

Лира Оскольская

Жить без плана

Лира Оскольская

Жить без плана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73379413

SelfPub; 2026

Аннотация

Она – инженер до мозга костей. Планы, графики, порядок во всём, вплоть до ручки на столе. Он – гений хаоса, который вечно опаздывает, теряет инструменты и носит свитер с дырой на рукаве.

Их объединили в пару против воли – реанимировать старый проект за две недели. Теперь у них общий кабинет, общий дедлайн и общая проблема: они бесят друг друга до зубовного скрежета. Но чем ближе пятница, тем сложнее понять, где заканчивается раздражение и начинается что-то другое.

История о том, как двое непохожих людей учатся дышать в одном ритме. И о том, что иногда самое лучшее, что может случиться, – это жить без плана.

Содержание

Глава 1. Утро понедельника	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ли́ра Оскольска́я

Жить без плана

Глава 1. Утро понедельника

Восемь часов утра. Научно-производственное объединение «Авангард» встречало новый рабочий день запахом перегретого кофе из автомата, гудением старых ламп дневного света и тишиной пустых коридоров. Основная масса сотрудников подтянется к девяти, а пока здесь хозяйничали только уборщицы с тележками да редкие трудоголики, для которых утро не начиналось без запаха типографской краски от свежих распечаток и клацания клавиатуры в пустом опенспейсе.

Женя Воронцова любила это время.

Она шла по длинному коридору третьего этажа, и каблучки её туфель отбивали ровный, деловой ритм: шаг – пауза, шаг – пауза. Никакой спешки. Спешка – признак плохого планирования. А Женя не планировала плохо уже лет десять, с тех пор как окончила известный технологический университет и пришла сюда младшим инженером.

Она толкнула дверь отдела перспективных разработок и на секунду замерла на пороге.

Здесь что-то было не так.

Стол Жени стоял у окна – её личная крепость, выверенное

пространство, где каждая вещь знала своё место. Монитор слева, подставка для канцелярии справа, ежедневник ровно по центру, ручка «Доченьке» параллельно краю стола. Она могла бы работать с закрытыми глазами – руки сами находили нужное.

Но сейчас на её столе кто-то сидел.

Вернее, сидел – громко сказано. Некто развалился в её рабочем кресле, закинув ноги в тяжёлых армейских ботинках прямо на её стопку чистой бумаги. На коленях у незваного гостя покоилась огромная серая папка с гербовой печатью – та самая, про которую вчера на летучке говорил начальник отдела. «Проект „Наследие“».

Сам гость, судя по всему, пребывал в глубокой задумчивости, не замечая ни окружающей обстановки, ни того факта, что его ботинки оставляют на бумаге мелкие песчинки. Русые волосы торчали в разные стороны, словно он только что встал и даже не причесался. Свитер с высоким горлом, на левом рукаве – маленькая, но характерная дырочка, будто её прожгли паяльником или просто протерли до дыр, не обратив внимания. На столе, рядом с монитором, обнаружались россыпи крошек от печенья и пустая чашка с тёмным ободком кофейной гущи.

Женя медленно выдохнула. Она умела держать лицо. Этому её научили годы переговоров с заказчиками, которые пытались сдвинуть дедлайны, и подчинёнными, которые вечно забывали заполнять отчёты. Она сделала шаг вперёд, и дверь

с лёгким щелчком закрылась за спиной.

Звук оказался достаточно громким, чтобы гость очнулся. Он поднял голову, и Женя увидела его глаза – живые, чуть насмешливые, с тёмными кругами от недосыпа. Взгляд человека, который только что решал сложнейшую задачу и не желал отвлекаться на такие мелочи, как приличный внешний вид и чужие рабочие места.

– Доброе утро, – сказала Женя ровно, без тени улыбки. – Ты, кажется, ошибся кабинетом.

Гость моргнул, посмотрел на неё, после свои ботинки, потом снова на неё. Улыбнулся – широко, открыто, словно не замечая напряжения в её голосе.

– Жень? Привет! Слушай, гениально! Я тут с пяти утра сижу, вникся.

Он не сделал ни малейшей попытки убрать ноги со стола. Более того, он ткнул пальцем в раскрытую папку, демонстрируя какую-то схему, и на белую бумагу полетели новые крошки.

Женя посмотрела на крошки. После на свои часы -хронометр с тремя циферблатами, подарок родителей на защиту диплома. Потом снова на ботинки.

Она знала его, конечно. Глеб Костин, тридцать семь лет, инженер-программист из соседнего отдела, который расформировали. Легенда и головная боль «Авангарда». Про него говорили, что он может за ночь починить любой сервер и тут же забыть, где оставил ключи от машины. Что он гений, но

гений совершенно невменяемый. Что начальство его терпит только потому, что без него развалится половина старых систем, которые писали ещё при царе Горохе.

Они никогда не работали вместе. Их отделы существовали параллельно, как две галактики, которые наблюдают друг друга в телескоп, но не пересекаются. Женя слышала истории про Костина и считала их сильно преувеличенными. Ну не может человек с таким бардаком в голове создавать что-то путное.

Сейчас она была готова признать: истории не ввали.

– Глеб, – сказала она всё тем же ровным тоном. – Ты в курсе, что у тебя есть своё рабочее место? Кажется, там даже стул есть.

– А? – Он отвлёкся от схем и посмотрел на неё с искренним недоумением. – А, да ладно, Жень. Тут же удобно, свет падает нормально. Смотри, какая штука

– Глеб.

Что-то в её голосе заставило его замереть. Она не повышала тона, не переходила на крик. Просто стояла и смотрела. Спокойно. Выжидающе.

В коридоре загудел лифт. Где-то далеко зазвонил телефон – никто не взял трубку.

Пауза затягивалась.

Глеб моргнул ещё раз, и вдруг до него дошло. Он посмотрел на свои ноги, на её стол, на её лицо. Улыбка медленно сползла с его губ.

– О, – сказал он. – Блин. Жень, извини. Задумался.

Он убрал ноги – резко, даже как-то виновато. Ботинки глухо стукнули о линолеум. Он попытался смахнуть крошки со стола рукой, но получилось только хуже – они размазались по полированной поверхности.

– Веник в шкафу, – сказала Женя, проходя к своему месту. Она аккуратно сняла пальто, повесила на спинку стула (своего стула, который Глеб только что освободил), поставила сумку на пол. Ни одного лишнего движения. Ни тени эмоций на лице.

Глеб смотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то новое. Не раздражение, не привычная насмешка. Любопытство.

– Слушай, – сказал он, не двигаясь с места. – А ты всегда такая, собранная? С утра пораньше?

Женя включила монитор, открыла ежедневник, взяла ручку. Только после этого она подняла на него глаза.

– Всегда, – ответила она коротко. – Веник в шкафу. Я не повторяю дважды.

Глеб хмыкнул, но пошёл за веником.

Через полчаса они сидели друг напротив друга. Глеб – на своём новом законном месте, которое оказалось в двух метрах от Жениного стола и представляло собой нагромождение железа, проводов и бумаг. Женя – за своим идеально чистым столом, где теперь лежала только папка «Наследие» и несколько листов с её пометками.

Она прочитала сопроводительную записку. Проект двадцатилетней давности. Заказчик – какой-то оборонный НИИ, который тогда ещё платил, а теперь требует модернизации или возврата денег. Документация? Нет документации. Исходники? Где-то на дискетах, если уцелели. Последний разработчик, пенсионер Семён Петрович, уволился год назад и уехал в деревню ловить рыбу.

– Две недели, – вслух произнесла Женя, глядя в бумаги. – Они дали нам две недели.

Глеб, который ковырялся в каком-то старом блоке питания, поднял голову:

– А что, мало? Я за две недели могу с нуля такое же написать. Если не отвлекаться.

– Ты не отвлекаться? – Женя позволила себе лёгкую иронию. – Это что-то новое.

– Зря ты так, Воронцова. – Он отложил отвёртку и подошел ближе, развернув к ней монитор. – Смотри. Я тут с утра покопался. Там такая логика! Дед, который это писал, явно шаманил. Смотри, если подать сигнал не напрямую, а через этот контур

Он говорил быстро, увлечённо, тыкая пальцем в экран, где мелькали строчки кода. Женя смотрела и слушала. Поначалу снисходительно – ну что он может показать, этот гений-неряха. Но через минуту её бровь поползла вверх.

– Подожди, – перебила она. – Тут сдвиг фаз. Если ты подашь так сигнал, на выходе будет помеха.

– Будет, – согласился Глеб. – Но если поставить фильтр вот здесь... – он ткнул в другую точку, – то помеха гасится, и мы получаем ровный сигнал без потери мощности. Семён Петрович это знал, просто не записал. Я по комментариям восстановил.

Женя замолчала. Она смотрела на экран, и в голове у неё выстраивалась схема. Действительно элегантное решение. Нестандартное. Дикое с точки зрения классической инженерии. Но работающее.

– Это не по ГОСТу, – сказала она наконец.

– А плевать я хотел на твой ГОСТ, если оно работает! – Глеб откинулся на спинку стула и улыбнулся. – Понимаешь? Оно работает! Остальное – бумажка.

Женя помолчала. Потом аккуратно закрыла папку, сдвинула очки на переносицу и посмотрела на него в упор.

– Давай договоримся сразу, Костин. У нас две недели. Я не работаю методом тыка, и я не люблю сюрпризы. Поэтому первое, что мы делаем, – составляем план. Расписываем задачи по дням. Фиксируем каждый шаг. Ты понял?

Глеб скривился, будто съел лимон.

– План. Женя, план – это скучно. План убивает живое дело.

– План, – продолжила она, не обращая внимания на его гримасу, – это единственное, что спасёт нас, когда всё пойдёт не так. А всё пойдёт не так обязательно. Потому что документации нет, исходников нет, а заказчик, я уверена, уже

точит зуб.

– Пессимистка.

– Реалистка. – Она взяла ручку и приготовилась писать. – Итак. Первый этап: инвентаризация. Что у нас есть, что работает, что нет. Второй этап: восстановление документации. Третий этап:

Глеб слушал вполуха, глядя на неё. На то, как ровно она держит спину. Как поправляет очки, когда доходит до сложного пункта. Как не обращает внимания на то, что он её почти не слушает.

–...и главное, – закончила Женя, – никакой самостоятельности. Если хочешь что-то попробовать – сначала обсуждаем со мной. Договорились?

Он молчал.

– Костин.

– А? Да, договорились. – Он улыбнулся своей открытой улыбкой. – Значит, план. Скучно, но ладно. Только потом, когда твой план рухнет, мы будем делать по-моему.

– Мой план не рухнет.

– Посмотрим.

Они смотрели друг на друга через два метра офисного пространства, и в этом взгляде было всё: и раздражение, и вызов, и что-то ещё, чему они оба пока не давали названия.

За окном загудел первый утренний трамвай. Начался понедельник.

Женя вышла из-за стола ровно в 11:40.

Она всегда выходила на обед в 11:40. Не потому, что была голодна, а потому что в 12:00 в столовой выстраивалась очередь, и приходилось тратить пятнадцать минут на стояние с подносом вместо того, чтобы спокойно поесть и заодно просмотреть новости отрасли. Она рассчитала это эмпирическим путём ещё пять лет назад и с тех пор не изменяла привычке.

– Я в столовую, – сказала она, надевая пальто. – Вернусь через сорок минут.

Глеб не ответил. Он сидел на своём месте, согнувшись в три погибели над древним осциллографом, который притащил неизвестно откуда. В одной руке у него был щуп, другой он листал какие-то бумажки – кажется, те самые пометки Семёна Петровича, которые чудом сохранились в коробке из-под обуви.

Женя задержалась на секунду, глядя на него. Провода свисали со стола гирляндами, на полу валялись смятые чертежи, а сам Глеб, кажется, забыл не только про обед, но и про то, что на улице вообще бывает день.

– Кофе будешь? – спросила она вдруг.

Глеб поднял голову. Взгляд у него был расфокусированный – как у человека, которого выдернули из глубокого погружения.

– А? Что?

– Кофе, говорю, принести? Из автомата.

Он моргнул, посмотрел на пустую кружку с засохшей гу-

щей, потом снова на неё.

– Ага. Давай. Чёрный, без сахара.

– Ты ужепил чёрный без сахара. – Женя кивнула на кружку. – Две штуки за утро, судя по объёму.

– Ну значит, третья будет. – Он уже смотрел обратно на осциллограф.

Женя покачала головой и вышла.

Когда она вернулась через сорок минут (ровно сорок, она засекала), Глеб стоял посреди кабинета с той самой коробкой из-под обуви в руках. Коробка была доверху набита мятыми листами, какими-то квитанциями, старыми чертежами на кальке и прочим хламом, который нормальные люди выбрасывают, а Семён Петрович, видимо, хранил как зеницу ока.

– Ты посмотри, – сказал Глеб, не оборачиваясь. – Тут же вся история проекта! Он вообще ничего не выкидывал. Смотри, вот первая версия, вот правки, а вот это, – он вытащил листок, исписанный каракулями, – его личные заметки. Тут даже кое-что расшифровано.

Женя поставила на его стол пластиковый стаканчик с чёрным кофе и заглянула в коробку.

– И как ты это читаешь?

– А что там читать? – Глеб наконец повернулся к ней. Глаза у него горели. – Тут же всё понятно. Смотри, вот схема блока питания, а вот тут он пишет: «попробовать заменить конденсаторы на К50-35, дают меньше шума». Понимаешь?

Он уже тогда знал, что штатные детали не годятся, просто не вписал в документацию. А мы сейчас мучаемся.

Женя взяла листок. Почерк у Семёна Петровича был ужасный, каракули налезали друг на друга, цифры перемежались с ругательствами в адрес советской промышленности. Но если присмотреться, действительно можно было уловить логику.

– Это не систематизация, – сказала она. – Это архив безумца.

– Это гениально! – Глеб схватил кофе, отпил половину одним глотком, обжёгся, закашлялся, но даже не поморщился. – Тут можно проследить, как он думал. Понимаешь? Это же живая мысль, а не мёртвый отчёт.

– Отчёты тоже нужны, – сухо заметила Женя, но листок не вернула. Всё ещё смотрела.

– Нужны, – неожиданно легко согласился Глеб. – Для налоговой. А для дела – вот это. – Он похлопал по коробке. – Ладно, Воронцова, иди свой план пиши. Я тут покопаюсь.

Он уже снова уткнулся в коробку, забыв про неё, про кофе, про всё на свете.

Женя постояла ещё секунду, глядя на его сгорбленную спину, на дырочку на рукаве, на то, как падает свет из окна на разбросанные бумаги. Потом развернулась и пошла к своему столу.

Она села, открыла ноутбук, создала новый документ и написала: «Проект „Наследие“». План работ. Исп.: Воронцова

Е.С., Костин Г.О.».

Дальше дело пошло медленно.

Она умела составлять планы. Это было её ремесло, её стихия, её способ дышать. «Этап 1: Анализ исходных данных. Срок – 2 дня. Ответственный – Костин Г.О.». «Этап 2: Восстановление документации. Срок – 3 дня. Ответственный – Воронцова Е.С.». Всё чётко, всё по полочкам, всё с запасом на непредвиденные обстоятельства.

Но сегодня строчки не складывались.

Она ловила себя на том, что смотрит в одну точку и думает не о плане, а о том, что сказал Глеб. «Живая мысль». Что за чушь? Мысль она и есть мысль. Живая или мёртвая – какая разница, если результат один?

И всё же.

Она вспомнила, как он смотрел на осциллограф. Как будто тот был не прибором, а живым существом, с которым можно разговаривать. Как будто провода и микросхемы – это не детали, а буквы в книге, которую он читает.

Женя тряхнула головой и вернулась к плану. «Этап 3: Тестирование. Срок – 3 дня. Ответственный оба».

Хорошо. Дальше.

Она отстучала ещё несколько пунктов, разбила задачи на подзадачи, проставила дедлайны с запасом в полдня на каждую. К двум часам дня план был готов. Красивый, стройный, логичный. Любой нормальный начальник одобрил бы его не глядя.

Женя откинулась на спинку стула и посмотрела на Глеба. Он сидел на полу.

Серьёзно, он сидел прямо на полу, скрестив ноги, и разложил вокруг себя содержимое коробки. Бумаги лежали веро-м, какие-то схемы были прижаты к полу старым паяльником, какие-то висели на стуле. Сам Глеб что-то бормотал под нос, делал пометки прямо на полях чужого чертежа и время от времени лез в коробку за новой порцией хлама.

На его столе остывал нетронутый кофе.

– Костин.

Он не отозвался.

– Глеб.

Никакой реакции.

Женя вздохнула, встала и подошла к нему. Остановилась в шаге от бумажного царства.

– Ты в курсе, что обед давно закончился?

Глеб поднял голову. Посмотрел на неё так, будто видел впервые.

– А? – Потом до него дошло. – А, Жень. Слушай, я тут нашёл кое-что. Смотри.

Он протянул ей пожелтевший листок. На нём была нарисована схема – кривая, нелепая, с кучей исправлений и пометок на полях. Но в правом нижнем углу кто-то (явно не Семён Петрович, почерк был другой) написал: «Работает. 12.09.2003».

– И что это?

– Это решение! – Глеб вскочил, едва не наступив на какой-то чертёж. – Понимаешь? Тут та же проблема, что у нас сейчас. И они её решили. Двенадцатого сентября две тысячи третьего года. Просто взяли и решили. А потом забыли записать как надо.

Женя посмотрела на схему. На Глеба. Потом снова на схему.

– Ты хочешь сказать, что мы зря ищем решение, если оно уже есть?

– Я хочу сказать, что решение было, есть и будет. – Он смотрел на неё в упор, и в глазах его не было обычной насмешки. – Просто кто-то должен это увидеть. Соединить точки. Понять, что всё уже придумано до нас, а нам осталось только не поленившись это найти.

Пауза.

– Ты философ, Костин, – сказала Женя наконец.

– Я инженер. – Он улыбнулся. – Просто хороший.

Она хмыкнула, но ничего не сказала. Вернулась к своему столу, взяла распечатанный план и протянула ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.